

УДК 130.122; 304.442

ПРОБЛЕМЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВАЕвгений О. Гаврилов^{1, @}

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49

@ Gavrilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2017. Принята к печати 11.12.2017.

Ключевые слова: светское государство, религиозный плюрализм, конфессиональная политика, гражданская религия, клерикализация, идентичность, идеология.

Аннотация: С момента утраты господства единой советской идеологии российское государство находится в состоянии поиска духовных основ, способных сплотить общество, сформировать его нравственные константы и чувство государственности. В современной России потенциалом решения таких задач обладает религия. Однако российское общество является поликонфессиональным, что затрудняет выработку единых форм взаимодействия государства и религии. В условиях религиозного плюрализма конфессиональная политика российского государства оказывается лишена единого концептуального основания, что вызывает затруднения при определении ее характерных черт и направленности. В сложившихся условиях закономерным становится обращение к опыту прошлого, аутентичному российской культуре, либо поиск актуальных моделей взаимодействия религии и государства в зарубежных странах. В первом случае образцом становятся государственно-конфессиональные отношения времен Российской империи, где традиционный уклад сочетался с длительным периодом взаимодействия разных религий. Во втором – современный опыт США, где государственно-конфессиональные отношения строятся в условиях сложного религиозного состава и демократических конституционных рамок. В результате выбор модели оптимальной конфессиональной политики задается координатами, начиная от имперской политики построения иерархии вероисповеданий до формирования модели гражданской религии, получившей теоретическое обоснование в трудах Р. Белла.

Для цитирования: Гаврилов Е. О. Проблемы и альтернативы конфессиональной политики современного российского государства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 56–60. DOI:10.21603/2542-1840-2017-4-56-60.

В XXI в. религия продолжает оставаться неотъемлемой частью культуры, важным фактором многих современных процессов как созидательного, так и разрушительного характера [1]. В частности, явления политической жизни общества нередко приобретают религиозную форму, будь то деятельность ИГИЛ и этнорелигиозные конфликты в Мьянме [2] или споры о ношении хиджабов в светской Франции и ожесточённые дискуссии, посвященные защите чувств верующих [3], особенно в контексте некоторых художественных проектов деятелей российской культуры [4; 5].

Конечно, представители различных государственных структур не являются сторонними наблюдателями этих событий. Более того, роль институтов политической власти в религиозной жизни общества заметно возрастает. Логично предположить, что от того, насколько продуманной будет религиозная политика государства, зависит настоящее и будущее российского общества. Следовательно, ее изучение способствует выявлению потенциальных траекторий развития взаимодействия государства, религии и общества.

Проблема исследования состоит в том, что в основании государственной политики в отношении религиозных объединений лежат несовпадающие и даже разнонаправленные концептуальные основания. Вследствие этого

затруднено определение как актуального состояния взаимодействия общества, государства и религиозных объединений, так и перспектив его развития. Задача данного исследования состоит в выявлении значимых проблем и актуальных альтернатив конфессиональной политики современного российского государства.

Известно, что история нашей страны отягощена резкой сменой социально-экономических и политических укладов, а ее конфессиональный состав отличается большим разнообразием. Длительный период давления государства на сферу религиозной жизни сменился в конце XX в. этапом, когда многочисленные административные ограничения религиозной активности были сняты. Бурный религиозный огуз стал следствием этих политических решений и породил массу проблем, которых прежде государство, да и российское общество, в целом не знали. Условно их можно разделить на пять групп.

Во-первых, возникли пробелы в юридическом оформлении различных сторон функционирования религиозных объединений, включающих не только вопросы культа, но и хозяйственной деятельности. Ярким примером здесь являются споры о реституции церковного имущества. Во-вторых, обозначились сложности в области взаимо-

действия представителей разных конфессий, а также верующих и неверующих. Общество и государство находятся в поисках эффективных форм и должного баланса в представлении интересов этих субъектов социальной активности. В-третьих, особую остроту приобрел вопрос об отношении старых и новых религий. До недавнего времени формальные критерии установленных правовых рамок позволяли говорить о равнозначности всех субъектов религиозной активности, невзирая на степень исторической укорененности и связи с культурными традициями народов России. Сейчас ситуация меняется. Традиционные религии получают правовую защиту и государственную поддержку, что позволяет говорить об официальном признании их социальной значимости. В-четвертых, по мере развития сферы религиозных отношений обозначился вопрос о допустимой мере и формах участия религиозных организаций в социальных процессах современной России: в какой степени и какие именно религии имеют право или даже преференции в координации своей деятельности с государственными структурами? И, наконец, в-пятых, это вопрос, в большей мере являющийся предметом настоящего рассмотрения: какова оптимальная модель конфессиональной политики российского государства? Очевидно, что этот вопрос является частью более широкой проблемы построения этноконфессиональной политики в современной России. Отметим, что исследуемый проблемный аспект современной религиозной ситуации тесно связан с остальными четырьмя группами, которые были названы выше. Следовательно, изучение конфессиональной политики государства проливает свет на неоднозначные процессы, происходящие сегодня в сфере религиозных отношений в целом.

Социальная значимость религии, позволяющая ей оставаться влиятельной силой исторического развития, состоит в том, что она, как и раньше, создает необходимые условия формирования культурной идентичности. Кроме того, сегодня, благодаря широкой географии верующих, она оказывается существенным фактором международных отношений. Наконец, на персональном уровне религия часто становится основным источником формирования жизненного смысла. В России во многом именно религия заменила многим людям те области духовной жизни, которые прежде формировала идеология советского государства. Сегодня религиозные институты участвуют в сохранении исторической памяти, в формировании чувства родины и идеи государственности, в определении нравственных ориентиров. Все это в прежнюю эпоху было связано единым набором идеологических догматов диалектического и исторического материализма, придававших целостность жизни страны. В современных условиях поликонфессиональности это единство превратилось в сложный конгломерат религиозно-этнических дискурсов, каждый из которых, апеллируя к сакральным смыслам, претендует на истинность. Очевидно, что в этой ситуации содержание духовной жизни общества стало более сложным и даже внутренне противоречивым. При всем при этом оно заметно теснее связано с фундаментальными для индивида мотивами поведения, нежели это было в условиях прежней единой идеологии, ставшей для значительной части населения периода заката советской эпохи формальным набором общественных ритуалов и лозунгов.

Имеющийся у религии потенциал может стать мощным стимулом интеграции российского общества, а равно и предпосылкой его дезинтеграции, что, безусловно, оказывает влияние на формирование государственной политики. Интерес представителей политических кругов к этой сфере обуславливается также тем обстоятельством, что в обществе, где доля верующих достаточно велика, религия выступает в качестве действенного средства обеспечения принятия обществом власти. Очевидно, что религиозная активность рассматривается государством как важный элемент политических отношений. Однако фактор многообразия религиозных течений лишает государство единого источника религиозных смыслов, необходимых ему для консолидации общества и собственной легитимации, как это было во времена монополии единой государственной идеологии.

Можно утверждать, что с момента распада СССР и по настоящее время российское государство находится в поиске оптимальной модели конфессиональной политики, отвечающей задачам развития страны как единого социокультурного и политического пространства и опирающейся вместе с тем на принцип социальной справедливости. Более того, эта потребность возрастает в связи с усилением роли государства в регулировании общественных отношений и активизацией его внешней политики. Исходя из базовых юридических оснований построения государственного и общественного строя, закрепленных в Конституции Российской Федерации, результатом этого поиска предположительно должен стать выбор, в равной степени свободный как от уравнивания всех граждан рамками атеистической идеологии, так и от их подчинения универсальному религиозному смыслу в рамках теократии.

Иными словами, на повестке дня остро стоит вопрос о построении государственно-конфессионального диалога в условиях законодательно закрепленного и фактически реализуемого мировоззренческого и, в частности, религиозного плюрализма. В свою очередь, этот общий вопрос распадается на подвопросы: насколько легитимно, например, выборочное сотрудничество государства с отдельными религиями? Может ли принадлежность к той или иной религии влиять на правовое положение гражданина в государстве, например, скажем, в случае назначения на государственную службу? Возможен ли различный правовой режим для тех или иных вероисповеданий? Насколько идеология государственности и патриотизма, политика в области построения гражданского общества должны учитывать религиозный фактор? В выборе модели конфессиональной политики российское государство не может игнорировать ранее накопленный, хотя и неоднородный, опыт. Он, в частности, находит концентрированное выражение в моделях взаимодействия государства и конфессий, во-первых, в истории Российской империи, а во-вторых, в модели, принятой на Западе, а точнее, в США. Ценность первой модели состоит в том, что она является частью аутентичного культурного наследия страны, где традиционный уклад сочетался с длительным периодом взаимодействия разных религий. Привлекательность второй модели состоит в ее современности, правда, отражающей политические процессы иностранного государства, но точно так же, как и в России, имеющего светский республиканский строй. Обе модели сформировались в рамках полиэтничных и поликонфессиональных государств, в которых чис-

ленно преобладает христианское население. Именно поэтому в поле рассмотрения не попали по-своему оригинальные модели Древнего Рима, Арабского Халифата, Индии и ряда других стран прошлого и настоящего. Рассмотрим обозначенные альтернативы конфессиональной политики государства с целью определить, в какой степени каждая из них соответствует нашим реалиям.

Первая модель обрела четкие формы в период российской абсолютной монархии, с присущей ей тенденцией к учету и фиксации социальных ролей различных слоев общества. Будучи третьей по величине империей за всю историю человечества [6], на территории которой проживало более 100 народностей, Россия до революции 1917 г. выстраивала диалог с религиозными объединениями, определяя им место в социальной и политической иерархии и в то же время возлагая на них ряд социальных и политических функций. Характерными чертами этой модели являлось юридическое и фактическое неравенство религий, а точнее, выстраивание их достаточно четкой градации. Существовала государственная религия, одновременно являвшаяся частью официальной идеологии – православие. В порядке значимости за ним следовали «терпимые» верования: «инославные христиане (колонисты и иные инородцы), мусульмане, ламаисты» и нетерпимые (раскольники, штундо-баптисты, духоборцы, молокане и др.)» [Цит. по 7, с. 308]. Соответственно, степень доброжелательности государства к тем или иным конфессиям варьировалась в зависимости от принадлежности каждой из них к одному из названных разрядов. Более того, законом устанавливались вполне определенные границы межконфессионального взаимодействия в области брачно-семейных отношений, возможности перехода в другую веру и т. п. [8, с. 143–175]. Государственная религия, безусловно, пользовалась привилегиями, но и несла основную нагрузку в сфере духовного воспитания подданных, наделялась властными полномочиями в отдельных областях общественной жизни и в наибольшей степени сближалась с органами государства.

В своем крайнем варианте последовательная реализация такой модели – это шаг к клерикализации государства, к усилению централизации власти и к созданию иерархизированных вертикальных структур в обществе. Кроме того, государственная власть, связывая себя в значительной степени только с одной из существующих в России религий, автоматически уступает часть своей политической самостоятельности и одновременно отказывается от политического нейтралитета по отношению к различным религиозным течениям. Очевидно, что свою самостоятельность утратит и та конфессия, которая приобретет статус государственной религии. Более глубокие исторические последствия выбора этой модели можно гипотетически вывести, исследуя судьбы религиозных течений в императорской дореволюционной России.

Вторая модель исходит из принципов республиканского государственного строя и строится с учетом религиозного разнообразия, столь характерного для современного мира. Зародилась она в США – стране, основанной колонистами-эмигрантами из различных стран. И сегодня для этого государства характерно большое этническое и религиозное разнообразие. Описывая процессы государственно-конфессионального взаимодействия, Р. Белла исполь-

зовал понятие гражданской религии, которое, с одной стороны, коррелирует с ценностями либерального общества и политикой мультикультурализма, а с другой – с идеей государственности и социальной интеграции. По одной из версий, модель гражданской религии представляет собой «определенный набор сакральных идей, символов и ритуалов, разделяемый подавляющим большинством американцев и являющийся основой национальной самоидентичности, а также служащий способом национальной консолидации, не задевающим личных религиозных взглядов американцев» [9]. Иными словами, идеология государственности и народного единства, а равно и ряд других значимых для общества ценностей, получают сакральную легитимацию независимо от религиозной принадлежности. Здесь на передний план выходят не столько религиозные убеждения граждан, сколько их способность придерживаться общей системы вполне светских политических идей, впрочем, находящих дополнительное подкрепление в санкциях исповедуемых ими различных религий.

В случае воплощения этой модели может произойти заметное дистанцирование государственных структур от сферы религиозных отношений, что может привести к существенному снижению роли религиозных смыслов в политических и повседневных ориентациях граждан. В результате религия из действительного фактора политических отношений может превратиться в институт, регламентирующий преимущественно отдельные стороны частной или общественной жизни граждан. В то же время, поскольку идеологическую опору государства в этом случае будет составлять своего рода коалиция конфессий, исключается ситуация взаимной зависимости государства и избранной им государственной религии. Возможно, эта ситуация взаимного дистанцирования обеспечит и политическим и религиозным структурам значительную степень автономности в решении собственных задач.

Конечно, представленными альтернативами возможные варианты конфессиональной политики государства не исчерпываются. Но повторимся, что именно в них учтен опыт осуществления государственной политики в поликонфессиональной среде, именно они оказываются в стороне от крайностей теократической или атеистической государственности и потому являются наиболее близкими к принятой в России на сегодняшний день стратегии взаимодействия государства и общества. Кроме того, обе модели реализуют идею государственности и общественной консолидации, но каждая по-своему.

Современное российское государство отличается большей последовательностью шагов, связанных с государственно-конфессиональной политикой, нежели это было в перестроечный период. Данная особенность находит выражение в избирательном отношении к существующим религиям, что имеет отсылку к историческому опыту императорской России, а также к противодействию тем проявлениям религиозной активности, которые противостоят идеям, заложенным в конституционных нормах, что корреспондирует к опыту США. Однако эффективному и справедливому алгоритму взаимодействия государства и различных конфессий еще только предстоит сформироваться, что, может быть, не исключает использования

потенциала обеих описанных моделей, но вовсе не предполагает их бездумного копирования.

Таким образом, современное российское государство стоит перед необходимостью выбора оптимальной конфессиональной политики для сохранения своей целостности и реализации актуальных задач. В то же время религиозное разнообразие, потенциал религиозного радикализма затрудняет выбор единых форм взаимодействия

государства и религиозных объединений. Идя по пути сочетания форм, выработанных в своем историческом прошлом и заимствованных в зарубежном опыте, современное российское государство по сути балансирует между двумя полюсами, каждый из которых означает формирование особых социальных структур и форм социальных коммуникаций.

Литература

1. Гаврилов Е. О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 263 с.
2. Чернова К. Буддисты vs мусульмане: что происходит в Мьянме // Futurist.ru. 06.09.2017. Режим доступа: <https://futurist.ru/articles/1136-buddisti-vs-musulymane-chto-proishodit-v-myuanme> (дата обращения: 04.10.2017).
3. Статья об оскорблении чувств верующих в России и случаи вынесения приговоров. Досье // ТАСС. 11.05.2017. Режим доступа: <http://tass.ru/info/4245069> (дата обращения: 04.10.2017).
4. В Госдуме появится Совет по культуре, религии и межнациональным отношениям // REGNUM: информационное агентство. 16.05.2017. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2275180.html> (дата обращения: 04.10.2017).
5. Крашенинников Ф. Защита чувств верующих перешла в нападение // Ведомости. 05.09.2017. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/09/06/732504-zaschita-chuvstv> (дата обращения: 04.10.2017).
6. Крупнейшие и грандиознейшие империи в истории человечества // Любители истории. Режим доступа: <http://myhistori.ru/blog/43156944743/Krupneyshie-i-grandiozneyshie-imperii-v-istorii-chelovechestva?desktop=1> (дата обращения: 04.10.2017).
7. Шиманская О. К. Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Право. Государство и право: итоги XX века. 2001. № 1. С. 308–314.
8. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
9. Легойда В. Р. Гражданская религия: pro et contra // Религия и СМИ. 24.01.2003. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения: 04.10.2017).

PROBLEMS AND ALTERNATIVES OF THE CURRENT CONFESSIONAL POLICY IN RUSSIA

Evgeniy O. Gavrilov¹.@

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, 49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Russia, 654066

@ Gavrilich@yandex.ru

Received 31.10.2017. Accepted 11.12.2017.

Keywords: secular state, religious pluralism, confessional policy, civil religion, clericalisation, identity, ideology.

Abstract: From the moment the Soviet ideology lost its dominion, the Russian State has been searching for spiritual bases that can unite society, create its moral constants and the feeling of the statehood. The religion has the potential for the solution of such tasks in modern Russia. However, the Russian society is polyconfessional, which complicates the development of unique forms of interaction between the state and the religion. In the current conditions of the religious pluralism, the confessional policy of the Russian state is deprived of a unified conceptual basis, which makes it difficult to determine its characteristic features and orientation. Thus, it is natural to appeal to the experience that is authentic to the Russian culture of the past, or search for modern foreign models of interaction between religion and the state. In the first case, the ideal model will be that of the state and confessional relations in the Russian Empire, where traditional way of social life was combined with a long period of interaction between different religions. In the second case, it is modern experience of the USA, where the state and confessional relations are under construction of the conditions of complicated religious structure and a democratic constitutional framework. As a result, the choice of the optimum confessional policy model is set by coordinates ranging from imperial policy of building up a hierarchy of religions up to formation of a civil religion model which received theoretical justification in R. Bella's works.

For citation: Gavrilov E. O. Problemy i al'ternativy konfessional'noi politiki sovremennogo rossiiskogo gosudarstva [Problems and Alternatives of the Current Confessional Policy in Russia]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2017): 56–60. DOI:10.21603/2542-1840-2017-4-56-60.

References

1. Gavrilov E. O. *Sovremennaiia religioznost' kak reprezentant i faktor sotsial'nogo razvitiia* [Modern religiosity as a representative and factor of social development]. Novokuznetsk: FKOU VPO Kuzbasskii institut FSIN Rossii, 2015, 263.

2. Chernova K. *Buddisty vs musul'mane: chto proiskhodit v M'ianme* [Buddhists vs Muslims: what's happening in Myanmar]. Futurist.ru, 06.09.2017. Available at: <https://futurist.ru/articles/1136-buddisti-vs-musulymane-chto-proishodit-v-myanmar> (accessed 04.10.2017).

3. *Stat'ia ob oskorblenii chuvstv veruiushchikh v Rossii i sluchai vyneseniia prigovorov. Dos'e* [Article about the insult of the feelings of believers in Russia and the cases of sentencing]. TASS, 11.05.2017. Available at: <http://tass.ru/info/4245069> (accessed 04.10.2017)

4. *V Gosdume poiavitsia Sovet po kul'ture, religii i mezhnatsional'nyim otnosheniiam* [The Council on Culture, Religion and Ethnic Relations will appear in the State Duma]. REGNUM, 16.05.2017. Available at: <https://regnum.ru/news/2275180.html> (accessed 04.10.2017)

5. Krashennnikov F. *Zashchita chuvstv veruiushchikh pereshla v napadenie* [Protecting the feelings of believers went to the attack]. Vedomosti, 05.09.2017. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/09/06/732504-zaschita-chuvstv> (accessed 04.10.2017)

6. *Krupneishie i grandiozneishie imperii v istorii chelovechestva* [The largest and most grandiose empires in the history of mankind]. Available at: <http://myhistori.ru/blog/43156944743/Krupneyshie-i-grandiozneyshie-imperii-v-istorii-chelovechestva?desktop=1> (accessed 04.10.2017)

7. Shimanskaia O. K. Svoboda sovesti v Rossii: istoriia, genesis, sovremennoe sostoianie [Freedom of Conscience in Russia: History, Genesis, Current State]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Pravo. Gosudarstvo i pravo: itogi XX veka = Vestnik of the Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky. Series Right. State and Law: the Results of the Twentieth Century*, no. 1 (2001): 308–314.

8. Vert P. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, heterodoxy, heterodoxy: essays on the history of religious diversity of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 280.

9. Legoida V. R. Grazhdanskaia religiia: pro et contra [Civil religion: pro et contra]. *Religiia i SMI = Religion and Media*, 24.01.2003. Available at: http://www.religare.ru/2_1555.html (accessed 04.10.2017).